

-- ДЕН 1932

ОЛЬГА ШАПИРО

ЗАМЕТКИ

ОБ

АМЕРИКАНСКОМ ТЕАТРЕ

II*)

Сезон 1931 и начала 1932 года был особенно плачевный. Театры открывались почти что ежедневно и лопались как мыльные пузыри. Предприниматели теряли голову. Во-первых, критика и публика были безжалостны. Постановки не имели успеха, проваливались одна за другой. Во-вторых, кризис сократил число посетителей до ничтожного процента. К концу сезона 1931 года многие театры принуждены были пойти под кино, а некоторые опустились даже до „бурлеска“—пошлого фарса. Так называемые праотцы города Нью-Йорка, общество искоренения порока, пытались бороться с этим явлением, но безуспешно. Голос доллара оказался сильнее. Из шестидесяти театров осталось только пятнадцать.

Кино-индустрия, опирающаяся на многочисленную сеть кино-театров, должна была во что бы то ни стало выпускать новые фильмы. Сценарии кино-картин считались всегда дефицитным товаром. По мере нарастания кризиса нужда в сценариях еще больше обострилась. Раньше, во время „просперити“, посещаемость кино-театров была очень велика, и все, что кино-фабрики выбрасывали на рынок, приносило прибыль. Пустой карман сделал публику более разборчивой. Редкие фильмы усердно посещались и приносили прибыль. В капиталистических странах касса является обычно единственным барометром успеха. У кино-хозяев началась погоня за так называемыми боевиками. В виду того, что кино перешло исключительно на звуковое, пьесы стали подходящим материалом. Хозяева театров учли это. Мы видим новое явление, когда пьесы ставятся исключи-

тельно для того, чтобы их продержали минимальный срок и запродать по солидной цене кино-фабрикантам. Обыватель, зная, что он увидит пьесу в кино-театре своего района за 25 центов, воздержался от посещения театра. Предприниматели придумали новое. „В доме повешенного не говорят о веревке“. В виду того, что кризис разрастался и настроение зрителей явно-минорное, нельзя было ставить пьес реалистических, которые обрисовывали кризис. Публику надо развлекать. В ход пошли двусмысленные комедии с эротическим уклоном. До кризиса цензура была очень строгая в отношении „морали“. Теперь на это власти смотрят сквозь пальцы. „Чем бы дитя ни тешилось...“

Две трети театров пошли с молотка, были проданы за неуплату по закладным и налогам. Хозяева винили в своем несчастье всех и все, только не капитализм и не возрастающий кризис. Так, например, началось сильное гонение с их стороны на драматических критиков. Любопытный случай. Член американского конгресса доктор Сирович, автор двух весьма посредственных пьес, возбудил на конгрессе процесс против критики. Критики были вызваны в Вашингтон для дачи показаний. Это кончилось позором для самого истца. Пьесы, его были признаны слабыми. Для всех стало очевидно что доктор Сирович защищал не столько театр, сколько свое оскорбленное авторское самолюбие. Немалым основанием для его нападок послужило и то, что провал пьес стоил ему больших денег, так как он сам же был хозяином театра. Профсоюз артистов „Эквита“ принужден был открыть бесплатный ресторан для безработных. Вначале считалось „модным“ для звезд театра ездить туда обедать. Цены были здесь повышены.

Платная публика покрывала таким образом часть затрат на бесплатные обеды. Но все благотворительные предприятия теряют свою прелесть и остроту, когда это начинает носить длительный характер. Понемногу платная публика отхлынула, и обеды ухудшились. Пробовали открывать театры на кооперативных началах, но так как сами артисты никак не могут переключиться на новый лад, то эти попытки ни к чему не привели. Единственные постановки, которые продержались сезон — это музыкальные оперетты и комедии. Во-первых, потому, что это единственный жанр, который нравится сытым капиталистам—не надо мозгами шевелить. Помимо заведомо из буржуазного класса в Нью-Йорк приезжают ежедневно чуть ли не миллионы туристов и коммивояжеров. Они-то, главным образом, посещают эти постановки. Из музыкальных комедий, пользовавшихся относительным успехом, можно назвать следующие: „Бендвгон“, где впервые была использована вертящаяся сцена, другая оперетта этого же театра „Кошка и скрипка“, музыка Гордона и Керна, двух молодых композиторов, подающих большие надежды, также музыкальная сатира „О вас я пою“, музыка Жоржа Гер-

Кадр из еврейской звуковой фильма „Возвращение Натана Беккера“. Слова заст. арт. Михоэлс